

Н. Н. ВОРОНИН

**«ЖИТИЕ ЛЕОНТИЯ РОСТОВСКОГО» И ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЕ
ОТНОШЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.**

1

В статье «Андрей Боголюбский и Лука Хризверг»¹ мы попытались восстановить общий ход русско-византийской борьбы 60-х годов XII в. вокруг вопроса о церковной независимости Владимирской Руси. Мы говорили также о большой церковно-литературной работе, связанной с этой задачей: о владимирской локализации общих культов — Спаса и Богоматери, их литературной пропаганде, доказательстве их преимущественного покровительства молодой столице Северо-Восточной Руси, ее династии, «мизиньным людям» Владимирской земли. Но для аргументации перед лицом киевского митрополита и византийской патриархии прав Владимира на церковную самостоятельность было особенно важно доказать древность христианства на Северо-Востоке, нужно было иметь своих, местных святых, что уравнило бы Владимирскую Русь с Киевской. На эту задачу и обращается особое внимание князя Андрея и его церковников.

Ростовская епископия, основанная в 60-х годах XI в., была одной из новых. Первый ростовский епископ Леонтий погиб в 1071 г. во время руководимого волхвами народного восстания, охватившего и самый Ростов. Этот факт был хорошо памятен в XII в., и мысль о церковном прославлении Леонтия, как первого «мученика» на Севере, была бы совершенно естественной и понятной. История этого церковно-политического акта отражена в замечательном и сложном владимирском литературном памятнике «Житии епископа Леонтия», раскрывающем русско-византийские отношения второй половины XII в. Анализ этого интереснейшего памятника и посвящена настоящая статья.

«Житие Леонтия» давно интересовало ученых. Еще К. Н. Бестужев-Рюмин писал, что «жизнеописания ростовских святых, дошедшие до нас в позднейших переделках, основой своею должны относиться к глубокой древности»². Большое внимание разработке литературной истории «Жития» уделил В. О. Ключевский, выводы которого были восприняты последующими исследователями³. Следует сразу же сказать, что эти выводы далеко не всегда четки и точны, а скептицизм исследователя к исто-

¹ ВВ, XXI, 1962.

² К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 65.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее — Жития), стр. 3—22; С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 333—334; е го же. Жития. «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 64—65.

рической документальности житийной литературы вообще и «Жития Леонтия» в частности сильно преувеличен. Поэтому, принимая ряд его положений, мы должны будем во многом разойтись с его выводами.

«Житие» дошло до нас во множестве списков, разделенных Макарием на 4⁴, а В. О. Ключевским на 6 редакций⁵ (редакции, определенные Макарием, соответствуют I, II, III и VI редакциям Ключевского). Старшие списки распределяются так: I редакция — XIII—XIV вв., II — 1497 г., III и IV—XVI—XVII вв., V—XVI в., VI (краткая проложная) — 1429 г.⁶ Наибольший интерес представляют две группы редакций: I и II древнейшая краткая и III—IV распространенная. Для последней характерно введение в изложение дат и летописных текстов.

I редакция «Жития Леонтия»⁷ является в сущности «проложным сказанием» об открытии его мощей. Оно и носит соответствующее теме заглавие: «Во тѣж день обретеніе честнаго тела преподобнаго отца нашего Левонтия епископа ростовскаго». Текст уже содержит все темы и сюжеты, которые в дальнейшем будут развиты и осложнены последующими редакциями. Рассказу об обстоятельствах открытия мощей предпослана краткая справка о жизни и деятельности Леонтия. Здесь сообщается, что Леонтий был цареградский грек и наследовал ростовскую кафедру после бежавших от язычников «преже бывших» епископов Федора и Илариона. Далее говорится, как Леонтий начал свою миссионерскую работу с детей, так как «старии» упорствовали в язычестве. Он устоял против «неверных», пришедших с оружием и дрекольем, чтобы изгнать его из града. Облачившись, он вышел к народу с клиром, и восставшие либо попадали «яко мертвии», либо ослепли; Леонтий исцелил и крестил их. Вскоре он «с миром к господу отыде» и был погребен в церкви Богородицы, «юже бе создал преже [бывший его]»⁸ епископ. Далее рассказывается о пожаре этой церкви в 1160 г. и начале постройки новой, каменной. Князь Андрей думал построить небольшую церковь, но по просьбе «людей» увеличил ее. Во время земляных работ обнаружили гроб Леонтия. Это был «божий промысел». Князь Андрей радовался тому, что бог «в сей области, в моей державе сподобил еси сицевому скровищу откровену быти», и вскоре послал каменный саркофаг, в котором и поместили в Ростовском соборе останки Леонтия. Во II редакции есть концовка, что мощи Леонтия творят чудеса и исцеления «в славу богу нашему и в державу, и в победу христолюбивому князю». На этом кончается древнейший список, считающийся «неполным». Далее (по полному списку) рассказывается, как с окончанием строительства каменного собора князь Андрей приехал в Ростов, поклонился «телу Леонтееву», поблагодарил бога и богородицу, что «сподобил мя еси сицега съкровища в области моего царствия видети — уже ничемже оужден есмь». Мощи были поставлены «в раце на стене. . . и устрои свещи велики у гроба его».

Затем рассказ сразу переходит ко времени Всеволода III. Сообщается об установлении празднования Леонтию (23 мая) епископом Иоанном, так как якобы его гроб проявил чудотворную силу («многом же исцелением цветущим от гроба святаго молитвами»); при этом пространно описывается е д и н с т в е н н о е чудо о зажженных ночью ангелами

⁴ Макарий. История русской церкви, т. II. СПб., 1868, стр. 329—332.

⁵ В. О. Ключевский. Жития, стр. 4—6.

⁶ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стб. 323—329.

⁷ Древнейший список («неполный») в прологе XIII—XIV вв. Синодальной библиотеки. ОРГИМ, № 246, лл. 102—103. Полный текст издан по списку в сборнике 1558 г. библиотеки Соловецкого монастыря. — «Православный собеседник», 1858, ч. 1, стр. 301—307.

⁸ Дополнение по списку Синодальной библиотеки. ОРГИМ, № 637, лл. 110—116.

свечах у гробницы Леонтия, который, встав из гроба, кадил по всей церкви. Пономарь сказал об этом епископу. На утрене зажгли свечи от святого огня, а по окончании службы некий клирик, вздумавший потушить свечу у гробницы, был наказан: «и шибе его ангел». Он оглох, онемел, был расслаблен и по молитве у гробницы был исцелен. Текст завершается похвальным словом Леонтию.

II редакция⁹ почти полностью совпадает с I, разнится лишь вступленье и несколько расширена речь Леонтия, ободряющая испуганных востаньем соборян. Это и позволяет не рассматривать ее особо, объединив I и II редакции понятием краткой редакции.

Пространные III и IV редакции¹⁰ развертывают краткую и глухую справку о жизни и деятельности Леонтия краткой редакцией в обширное вымышленное изложение его жизни в Царьграде, подвижничестве в монастыре, о том, как он по «гласу» свыше пошел к патриарху Фотию, горевавшему, что никто не может обратить в христианство упорных ростовцев. Тут развертывается оснащенная «летописным» материалом история крещения Руси Владимиром, о том, как поставленный им в Ростов первый епископ Федор построил здесь церковь «велми чюдну», но, не преодолев «неверьства» ростовцев, хотя и «многы люди крести», «изгнан бысть от них». Фотий назначил нового епископа — Илариона, но тот также сбежал. Опять «глас» трижды указал опечаленному Фотию на Леонтия. Далее следует пространный рассказ, как патриарх уговаривал Леонтия пойти в Ростов. Посланный, наконец, «с клиросники» на Русь, он прибыл в Ростов, ужаснулся «многому неверьству» и с молитвой приступил к делу. Но ростовцы «изгнаша его вон из града». Леонтий ушел и вблизи от города, на потоке Брутовщина построил церковку Михаила архангела и стал прикармливать кутьей «младенцев»; потом собрались и «старци», и Леонтий постепенно крестил их. Однако язычники упорствовали и собрались вооруженные, «яко изгнати его из града и убити». Далее — та же, что и в краткой редакции, сцена чудесного укрощения язычников по молитве Леонтия, омертвевших и ослепших, исцеленных и крещенных им. И вместо ожидаемого мученичества Леонтий мирно скончался и был погребен в дубовой «чюдной» церкви. Последующее изложение содержит даты. После пожара Ростова, когда сгорел дубовый собор, князь Андрей в 1160 г. приказал строить каменную церковь. Когда в 1164 г. начали копать рвы под первоначальную малую церковь, нашли гроб епископа Исаии, а с увеличением храма — гроб епископа Леонтия. Последующее, вплоть до присылки саркофага Андреем, — как в краткой редакции. Но концовка иная: чудеса Леонтия происходят «в державу и в победу христоролюбивому князю Андрею и всем православным христианам».

История с постановкой гробницы в новую церковь, излагаемая в III редакции подряд, в IV выделена в особое «слово о внесении телесе святого отца нашего Леонтия епископа ростовскаго в новую церковь и о мужи, исцелевшем у целбоноснаго гроба». Приезд Андрея (названного «благочестивым царем и князем нашим») в Ростов датирован здесь 1170 г. Текст о самом перенесении гробницы, вплоть до фразы о постановке «свещей великих», идентичен тексту краткой редакции. Далее (в IV

⁹ Сборник Синодальной библиотеки, писанный переем Никитой в «граде Волоце» в 1541 г. ОРГИМ, № 556, лл. 50—53 об.

¹⁰ Список «Жития» IV редакции по сборнику XVI в. издан А. А. Титовым в ЧОИДР (1893, IV) и отдельно: «Житие святого Леонтия епископа ростовского». М., 1893 (далее — Житие Леонтия). К этому списку привлекаем список XVI же века сборника Синодальной библиотеки (ОРГИМ, № 90, л. 163) и список III редакции по сборнику XVI в. Синодальной библиотеки (ОРГИМ, № 636, лл. 293—307).

редакции) следует ряд частью датированных сведений летописного типа: краткая передача «Повести об убийстве князя Андрея» (1174), сообщение о смерти епископа Леона, о конфликте Всеволода с митрополитом в связи с присылкой на мзде грека Николая и поставлении Луки (1185), о росписи им Ростовского собора (1188; «от погорелыя церкви дубовыя до подписи лет 27»), о его смерти 10 ноября и погребении 11 ноября во владимирском Успенском соборе, о поставлении епископа Иоанна (23 января 1190 г.) и его прибытии в Ростов 25 февраля. Всех этих вставок нет в III редакции. Также, в отличие от нее, датировано установление празднования Леонтию (1190) и чудо (1194); текст рассказа об этом и похвалы Леонтию почти точно совпадают с краткой редакцией, но концовка с прошением о молитве III редакции повторяет краткую («за правовернаго и христоролюбиваго князя нашего»), в IV же редакции — «за правоверныя и христоролюбивыя князи наша».

В списках III и IV редакций к этому тексту добавлено «Слово похвальное», или «Поучение»¹¹, к рассмотрению которого, как и всеволодовской части «Жития», мы обратимся ниже.

2

В. О. Ключевский, давший наиболее обстоятельный анализ «Жития Леонтия», показал, что старшей редакцией является краткая I, которая представляет уже соединение части, составленной при Андрее, о чем ясно говорит название Андрея «князем н а ш и м», и заканчивавшейся описанием установки гробницы в новом соборе, и второй части, связанной с установлением епископом Иоанном празднования Леонтию и пропагандой первого чуда. Исследователь также исправил ряд ошибок, вкравшихся в работы его предшественников, датировав первую часть «Жития» временем между 1170 и 1174 гг. (до смерти Андрея), а вторую — между 1194 г. (датой чуда по IV редакции) и 1204 г., когда обрушился собор, хранивший гробницу Леонтия, о чем «Житие» еще не знает¹².

Следует прежде всего исправить начальные даты событий, отраженных в «Житии», которые благодаря доверию к датам текста IV редакции, прочно вошли в литературу. Из летописи известно, что Ростовский каменный собор был заложен в 1161 г., на другой год после окончания постройки Успенского собора во Владимире, причем указано, что «ту же обретоша святаго Леонтия в теле»¹³. «Житие» сообщает, что распоряжение о постройке собора было дано Андреем в 1160 г., что согласно с летописной датой. Далее дата ошибочна: копать рвы начали якобы в 6672 (1164) г.¹⁴, когда и открыли гроб Леонтия. Следующая дата также неверна — собор был якобы окончен в 6678 (1170) г., когда и прибыл Андрей на торжество установки гробницы¹⁵. Эту дату принял и В. О. Ключевский.

¹¹ В III редакции название: «Слово похвальное на пречестную память иже в святых отца нашего и святаго святителя Леонтия епископа ростовского» (Соловецкая минея 1568—1569 гг., № 513—514; памятник издан в «Православном собеседнике», 1858, № 3, стр. 421 и сл.). В IV редакции название: «Поучение на память святаго отца нашего Леонтия епископа ростовскаго чудотворца» (А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 14).

¹² В. О. К л ю ч е в с к и й. Жития, стр. 7—11; Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 201, прим. 1; стр. 758; М. Д. П р и с е л к о в. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913 (далее — Очерки), стр. 135—136.

¹³ ПСРЛ, т. XV (Твер. л.), стб. 233. Никоновская летопись, излагая данные краткого «Жития Леонтия», относит открытие его мощей к 1162 г. (ПСРЛ, т. IX, стр. 230).

¹⁴ А. А. Т и т о в. Житие Леонтия, стр. 7; здесь и далее описка: 6712 — вместо 6672 (Синодальная библиотека, № 90).

¹⁵ А. А. Т и т о в. Житие Леонтия, стр. 9.

чевский, хотя из летописи известна точная дата окончания постройки и освящения собора — 1162 г.¹⁶ Следовательно, первая часть «Жития» фиксирует события 1161—1162 гг., и нет оснований принимать дату ее составления между 1170 и 1174 гг. Ошибочные даты прочно вошли в литературу¹⁷.

Новые данные для оценки этого начального текста принесли наши археологические исследования в существующем Ростовском соборе XVI в. При раскопках в его юго-восточном углу, в приделе Леонтия, выяснилось, что белокаменный собор 1161—1162 гг. был действительно поставлен «на месте погоревшая церкви», как и указывает «Житие»: среди бута и грунта было обнаружено много угля от пожара «дивного» дубового собора. Далее здесь был вскрыт участок южной («предней» — по «Житию») стены белокаменного собора 1161—1162 гг. с аркосолием Леонтия, украшенным некогда орнаментальной фресковой росписью, от которой сохранились незначительные фрагменты. Стоявшая в аркосолии белокаменная гробница, поврежденная и грубо реставрированная в 80-х годах прошлого века, по своей форме была тождественна саркофагу епископа Луки (1189 г.), открытому в 1951 г. при строительных работах во владимирском Успенском соборе. «Житие» указывает, что останки Леонтия «поставиша в раце на стене», что также точно соответствует действительности: под саркофагом в аркосолии продолжалась белокаменная кладка стены, на которую он и был поставлен. Еще более интересна другая деталь: по краям аркосолия, в изголовье и у ног Леонтия, оказались приложенные к стене белокаменные пьедесталы от упомянутых в «Житии» «свещей великих», устроенных князем Андреем «у гроба» Леонтия. Они были поставлены, по «Житию», уже в законченном отделе к о й соборе; это подтвердилось тем, что, как оказалось, белокаменные пьедесталы были поставлены на голый пол из майоликовых плиток¹⁸. Таким образом, рассказ «Жития» археологически точен.

В связи с этим нельзя не отметить и живости описания самой находки гробницы Леонтия. При копании рвов «обретоша мертвых множество», т. е. строители рыли ров на месте христианского кладбища при сгоревшей дубовой церкви — картина, хорошо знакомая археологам, вскрывающим участки около храмов. Очень конкретно описан и дощатый гроб, который «бе покровен двема досками». Видимо, хорошо сохранились и одежды — Леонтий был погребен примерно лишь за 90 лет до этого. Влажная болотистая почва у собора могла содействовать относительной сохранности органических остатков. Это удивило «археологов XII в.», и автор «Жития» отметил это («людem недоумеющимся»), точно указав, что сохранность останков была различной — «ризы его не истлеша, паче же и гроб», т. е. дерево сохранилось лучше, чем ткань.

Таким образом, первая часть «Жития» протокольно точна и этим очень напоминает ту же конкретность, которой отмечено составленное во Владимире до 1165 г. «Сказание о чудесах Владимирской иконы», и особенно

¹⁶ ПСРЛ, т. XV (Твер. л.), стб. 234—235.

¹⁷ Макарий. Ук. соч., т. II, стр. 330; Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 34; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 60—61; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 135—139; С. А. Бугославский. Жития, стр. 65.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 188—192. Отметим, между прочим, что «свещи велики» могли быть «топкими свечами», известными нам по их поздним образцам XVII в. Это большие полые восковые орнаментированные цилиндры на каменной подставке и с металлическим верхом для свечей. Образец такой свечи из Богородицкой церкви 1649 г. во Владимире см. Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, илл. 40.

описание чуда с падением створ Золотых ворот¹⁹. Нет сомнения, что первая часть «Жития» составлена не в 1170—1174 гг., т. е. 8—12 лет спустя после описываемых событий, а непосредственно вслед за ними, т. е. принадлежит к той же поре интенсивной литературной работы во Владимире, когда создавались и другие упомянутые нами выше произведения.

Эти наблюдения позволяют с большим доверием отнестись к тексту «Жития», являвшегося своего рода ответственным протоколом политически важного события — появления нового русского святого, первого в Северо-Восточной Руси.

Как мы знаем, в связи с борьбой Андрея и его кандидата во владимирские епископы или митрополиты Федора за независимость владимирской церкви ростовский епископ грек Леон вместе с Андреевой мачехой — гречанкой остро конфликтовал с Андреем. Конфликт закончился вскоре их высылкой из Руси. Отметим также, что и пожар Ростовского собора, совпадающий с моментом окончания Успенского собора во Владимире (который Андрей мыслил как кафедральный), — не случаен. «Житие» сохранило драгоценную подробность: Андрей не собирался строить в Ростове большой епископский собор, явно показывая, что епископии здесь больше не быть. «И бе церковь мала основана и начаша людие молитися князю Андрею абы повелел церковь боле заложити, ед ва же умолен бы в повеле воли их быти». За краткой благостной фразой скрыто, видимо, крупное столкновение Андрея с ростовской знатью, которая «едва умолила» князя, так что «владимирский самовластеп» должен был уступить: собор, как показали раскопки, был выстроен гораздо большим, чем храм Андреевой столицы — Владимира! И здесь в «Житии» пущен в ход характерный для владимирских писателей и летописцев прием изворотливого оправдания княжеской неудачи небесной волей — «се бысть всемудрого бога промыслом», так как благодаря увеличению собора и нашли «тело» Леонтия, столь важную для политических замыслов Андрея реликвию.

Передаваемые «Житием» слова Андрея ясно выражают политическую значимость этого события. Он поблагодарил бога «яко в сей области, в моей дръжаве сподобил еси сицевому съкровищу откровену быти», и, «помяная спасеное слово, глаголаше: „яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси младенцем“. И посла въскоре гроб камен положити в нем тела святаго». Смысл слов Андрея особенно ясно раскрывается при последующем его прибытии вместе с «мужами своими» в Ростов на торжественное перенесение гробницы Леонтия, когда он «целова святыя мощи и вси мужи его». При этом Андрей повторил свою благодарственную молитву, что ему довелось «сицева съкровища в области моего царствия видети, уже ничем же охужден емь». Появление нового святого и его «нетленных» останков повышало престиж Владимирской Руси, она была не «охуждена» по сравнению с Киевской, где уже славились чудесами гробницы Феодосия Печерского и Бориса и Глеба. Характерны и кажущаяся поздней горделивая формула «область моего царствия», и развернутое генеалогическое определение «князь Андрей сын великаго князя Георгия внука Володимерь», с которым мы встречаемся в другом владимирском произведении 60-х годов — «Сказании о празднике Спаса». Все это — словесное отражение тех идей о могучей княжеской власти, которые пронизывают всю владимирскую литературу 60-х годов вплоть до «Слова Даниила Заточника» и «Повести об убийстве Андрея».

¹⁹ «Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери». С предисловием В. О. Ключевского. СПб., 1878.

Такова связанная с реальной действительностью «протокольная» часть «Жития». Она в сущности и была таковой — запиской о пожаре собора, постройке нового, каменного, открытии мощей Леонтия и внесении его гробницы в новый собор. Поэтому, как мы говорили, и самый текст «Жития» в древнейшем списке XIII—XIV вв. носит соответствующее название: «Во тѣж день обретеніе честнаго тела преподобнаго отца нашего Левонтия епископа ростовскаго». Рассмотренный текст легко представить и внесенным без малейшей редакционной обработки на страницы владимирской летописи. Но в ней, как увидим далее, вся история постройки Ростовского собора и открытия мощей Леонтия отсутствует.

3

Остальное в рассматриваемом тексте, т. е. его собственно житийная часть, присоединенная в качестве введения к основной, не менее интересно для историка, как литературно-исторический миф, вызванный к жизни задачами той же церковно-политической борьбы 60-х годов.

Эта «биографическая» часть, превратившая документ летописного характера в некое подобие жития, составлялась через 90 лет после смерти Леонтия. К этому времени никаких воспоминаний о его действительной жизни уже не было, что допускало любые вымыслы в ее описании и определило стереотипность его содержания. Однако в ростовском епископском летописце все же имелись немногие точные сведения о времени поставления Леонтия, о постройке им рубленного из дуба собора, наконец, о ростовском восстании, когда Леонтий и был убит²⁰. 70 лет спустя после составления «Жития» владимирский епископ Симон на страницах «Патерика» прямо назвал его «мучеником», поставив его рядом с киевскими варягами-христианами²¹. Прославление Леонтия как мученика, отвечавшее подлинному факту его убийства, несомненно, облегчило бы его канонизацию. «Житие» в сущности и подводило к трагическому финалу, рассказав, как «устремишася невернии на святопомазаную главу ови со оружием, а друзии с дрекольемъ яко изгнати его из града и убити и». И тем не менее автор «Жития» предпочел изобразить иной, благополучный конец, что Леонтий «къ господу, его же изъмлада возлюби, с миром отиде. . .». Таким образом, «мощи» Леонтия оказывались не останками «мученика», павшего в борьбе с язычеством, а всего навсего якобы «нетленным» телом праведного пастыря и крестителя язычников.

Это сознательное отступление от истины было продиктовано главной идеей «Жития» — о древнем крещении Ростовской земли и древности ее епископии. В краткой редакции этот миф изложен сжато, всего в одной первой фразе текста: «Се блаженный Левонтей Костянтина града рожай и възпитание и за премногую его добродетель епископом поставлен бысть Ростову зане прежде бывший ту епископи Феодор [и] Иларион избегоша, не терпяще неверствия и многа досажения людей». В другом списке той же древнейшей краткой редакции²² первая фраза сохранила одну драго-

²⁰ Вопросу о начале летописания на Северо-Востоке посвящено специальное исследование автора.

²¹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1910 (далее — Патерик), стр. 76.

²² Список XV в. Кириллова-Новозерского монастыря, скопированный О. М. Бодянский и изданный по этой копии А. А. Титовым («Ярославские губернские ведомости», 1892, № 23). Заголовок: «В лето 6672 месяца мая в 23 день обретеніе честнаго телеси святаго святителя Леонтия епископа ростовскаго чудотворца». Издатель отнес список к III редакции, хотя он явно принадлежит к группе древнейших кратких. Текст близок к списку I редакции в сборнике 1459 г. (ОРГИМ, Синодальная библиотека, № 637). Любопытна подробность в сообщении об открытии мощей князю Андрею «сущю ему в Володимере».

ценную реальную подробность: «Сей блаженный и Костянтина града ражай и въспетание русскый же и мерьскый язык добре умеяше, книгам руским и греческим велми хытрословесен сказатель, от уности оставив мир и бысть черноризецъ чуден». Для человека XII столетия, слышавшего не раз еще живую речь иноязычного мерянского населения — аборигенов Владимирской Руси²³, это пояснение было вполне закономерным: Леонтий проповедовал в Мерянской земле.

Так, по «Житию» оказывается, что Леонтий — не печерский монах-киевлянин, а грек, уроженец «Костянтина града»²⁴, откуда он был поставлен на ростовскую епископию следом за «первыми» епископами Федором и Иларионом. «Греческое происхождение» Леонтия облегчало решение вопроса о его канонизации (канонизация русского епископа встретила бы сопротивление митрополита-грека и патриарха), а также давало понять, что и его предшественники — также царьградские выходцы, поставленные якобы непосредственно патриархом. Этот мотив уже откровенно и обстоятельно развивался в последующих пространных III и IV редакциях «Жития», где греческие епископы, прибывшие во Владимир, ставятся на новые кафедры и епископ Федор посылается с князем Борисом в Ростов, где и строит первую церковь²⁵. В этом своем утверждении владимирский автор мог, правда, сослаться на «Сказание о Борисе и Глебе» епископа Лазаря, который утверждал, что «самодръжецъ вьсей русьскей земли» Владимир «святымъ крещением вьсю просвети сию землю русьску»²⁶.

Следовательно, Леонтий — не первый епископ, а преемник двоих предшественников, также греков, лишь завершивший начатое ими дело христианизации Северо-Востока²⁷. Это и заставило отказаться от действительных фактов: убийство Леонтия язычниками еще более подчеркивало бы фиктивность творимой к вящей славе Владимирской земли легенды.

Так был составлен «документ», утверждавший, что ростовская епископия искони была подведомственна непосредственно константинопольскому патриарху и имела все основания оставаться автокефальной. «Политическая тенденция автора [жития Леонтия], — пишет исследователь, — сказывается в желании поддержать попытку Андрея Боголюбского получить для Владимира самостоятельную, независимую от Киева епископскую кафедру»²⁸. Хотя Леонтий был канонизован лишь при Всеволоде (1194), Андрей сразу же по открытии «мощей» начал заботиться о его церковном прославлении. При своем Боголюбовском дворце он построил посвященную ему небольшую церковь. Есть основания думать, что в верхней комнате лестничной башни дворца при Андрее была написана фреска,

²³ Е. И. Горюнова. Этническая история волго-окского междуречья. МИА СССР, № 94, 1961.

²⁴ Любопытно написание имени Царьграда по аналогии с местным юрьевским «градом Костянтином» — Коснятиним, Скнятиним на устье Нерли.

²⁵ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 2; более пространно в списке Синодальной библиотеки № 90, лл. 164 об. — 165.

²⁶ А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. М., 1899, стр. 12.

²⁷ Стремясь примирить противоречие «Жития Леонтия» и показаний епископа Симона, Макарий предполагал, что Леонтий был действительно грек, но постригшийся в Печерском монастыре. В отношении кончины Леонтия исследователь отдавал предпочтение «Житию», так как оно «старше» сведений Симона, и заключал, что Леонтий, «хотя скончался в мире, но тем не менее заслужил венец мученический!» (Макарий. Ук. соч., т. II, стр. 28, 330—331).

²⁸ С. А. Бугославский. Жития, стр. 65; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 135—138.

изображавшая Андрея, коленопреклоненного перед богородицею, и стоявшего позади нее Леонтия²⁹.

Уже цитированный выше список «Жития» по сборнику XV в. Кириллова-Новоезерского монастыря содержит еще один драгоценный фрагмент текста, проливающий свет на обстоятельства составления записки об открытии мощей Леонтия. Здесь, после концовки древнейшего «неполного» списка XIII—XIV вв.³⁰ и списка 1459 г. («сдевающе преславная чюдеса. . . и в державу и победу христоролибивоу князю») ³¹, читаем следующее: «на утеху душам и телом нашим и в державу и в победу христоролибивым князем нашим. А з же, т в о й р а б, п о д о с т о я н и ю ч е м п о х в а л и т я м о г у, н о м а л о е п р и м и с л а в о с л о в о с е [может быть, словесе?]. Радуйся наставнице наш и учителю. Ты исхитил еси душа наша от грязи дна адава и омыл ны святым крещением и накормил ны брашном нетленного живота. И ныне, блаженниче, п о м о л и с я з а м я всемилостивому царю Спасу Христу да без напасти житийскую пучину преиду помилован милостью его, ему же слава съ отцем и сыном, и святым духом ныне и присно и в веки. Аминь» ³². Эта явно концевочная, значительная по смыслу часть, а также наличие древнейшего списка XIII—XIV вв. «неоконченного» текста I редакции позволяют думать, что уже в данный момент, т. е. еще до постановки гробницы в новый белокаменный собор, составленный текст был размножен и обращался в этом своем незавершенном виде — важность события требовала незамедлительной информации о нем, что и отразилось в списке XIII—XIV вв.

Не менее существенно и другое. Приведенный текст, где мы выделили разрядкой ряд личных выражений, напоминает нам те личные ремарки и дополнения, которые встречаются в других памятниках владимирской литературы 60-х годов, связанных с праздниками Покрова и Спаса ³³. Как там, так и здесь они принадлежат самому князю Андрею, который, следовательно, принимал непосредственное участие в составлении начальной редакции «Жития Леонтия» — записки об открытии его мощей. Видимо, отсюда и документальная точность передачи слов Андрея и его оценки политического значения события — обнаружения столь важных для него останков первого святого Владимирской Руси.

В этой связи следует обратить внимание на одно кажущееся трафаретной цитатой место в речи Андрея, где он, «помяная спасеное слово, глаголаше: „Яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси младенцем“». Было ли так сказано Андреем в действительности или эти слова внесены непосредственным составителем документа, мы не можем сказать утвердительно. Но интересно, что ту же цитату вспомнил автор летописной «Повести о междукняжии», завершившей Владимирский свод 1177 г. Приведем это место «Повести»: «Сего же Михаила [т. е. Андреева младшего брата] избра бог и святая богородица, яко в еуангельи глаголетъ: „исповедаю ти ся, отче господи небеси и земли, яко утаил еси от премудрых и разумен открыл еси младенцем“». Тако и zde не разумеша правды божья исправити ростовцы и суждалци давнии творящесе старейшии, новии же людье мезинии володимирьстии, уразумеюще, яшася по правьду крепко. . .» ³⁴. Автор летописного рассказа

²⁹ В. Доброхотов. Древний Боголюб — город и монастырь. М., 1852, стр. 43; Н. Н. Воронин. Зодчество. . . , т. I, стр. 240 и рис. 107.

³⁰ ОРГИМ, Синодальная библиотека, № 246, л. 102 об.

³¹ Там же, № 637.

³² «Ярославские губернские ведомости», 1892, № 3.

³³ Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИМК, вып. 62, 1956, стр. 19—22.

³⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 378.

взял сентенцию не непосредственно из евангелия, но из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, почти дословно повторяя его текст. Иларион говорит о «старом» законе — иудействе и «новой» благодати — христианстве и рассказывает об их борьбе: «и не принимаше въ Иерусалиме христианская церкви епископа необрезана, понеже старейше творящеся сущие от обрезания насиловаху на христианыя, рабичичи на сыны свободныя». И далее: «Тако иудейство, аще и прежде бысть, но благодистию христиане болши беша». Иларион также утверждал, что для новой веры нужны новые люди: «Лепо бо бе благодати и истине на новые люди въсияти»³⁵. Сравнивая подчеркнутые нами слова Илариона с приведенным текстом летописной повести, можно утверждать, что, пользуясь «Словом о законе и благодати», автор повести как бы проводит прозрачную аналогию: старая боярская «правда» подобна «ветхому закону» — иудейству, а новая «правда» владимирских горожан — «новой благодати», христианству. Здесь, в летописной повести, смысл евангельской цитаты ясен: «премудрые» — это ростовцы и суздальцы, бояре, хотя и «старейшии», но не понявшие божьей правды, которая оказалась ясной «младенцам» — владимирским мизиньным людям, горожанам, избравшим Михалку. Соблазнительно думать, что и в «Житии Леонтия», и в речи Андрея по поводу открытия мощей Леонтия та же цитата имеет тот же политический подтекст — останки Леонтия не открылись самим ростовцам, а бог открыл их на пользу «младенцев», владимирских и иных мизиньных людей. Ростовский епископ становился в их борьбе на их сторону. Это толкование может быть подтверждено свидетельством вымышленного «Жития» Леонтия о том, что «старцы» упорствовали в неверии и он стал совращать в христианство «детей». Вспомним также, что боярская знать не очень верила в какие-либо мощи, о чем свидетельствует знаменитый рассказ Киево-Печерского патерика о суздальском боярине Василии, проявившем явный скептицизм к святости останков Феодосия печерского³⁶.

Сказанное позволяет утверждать, что и сама политическая концепция изучаемого документа — легенда о древности христианства на русском Северо-Востоке — была связана с инициативой князя Андрея. Прямая связь этого политического мифа с вопросом о самостоятельности владимирской церкви позволила В. О. Ключевскому с полным основанием предположить, что в этом деле прямым образом участвовал и епископ Федор, что «под влиянием феодоровских взглядов» и могло сложиться «это предание, столь согласное со стремлениями Феодора»³⁷. Упорная церковно-политическая борьба Андрея и Федора, освещенная выше, и была причиной того, что канонизация Леонтия не получила поддержки митрополита. Она произошла лишь позднее, при Всеволоде III, когда, учитывая опыт Андрея, в «Житии» «уничтожили следы стремлений Федора»³⁸.

4

В свете изучения краткой редакции «Жития» Леонтия и выяснения ее церковно-политической задачи приходится по-новому оценивать отраженные легенды о ранней христианизации Северо-Востока в русском летопи-

³⁵ О. Бодянский. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Парского. ЧОИДР, 1848, № 7, стр. 24—27.

³⁶ Патерик, стр. 62—64.

³⁷ В. О. Ключевский. Жития, стр. 18—19; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 137.

³⁸ В. О. Ключевский. Жития, стр. 19.

сании. Этот вопрос заслуживает специального анализа. Здесь же мы коснемся его лишь применительно к нашей теме.

Интересно прежде всего, что в раннем летописании Владимиро-Суздальской Руси нет упоминаний ни о постройке Успенского собора в Ростове Андреем Боголюбским, ни об открытии мощей Леонтия. Нет здесь и прямого отражения политического мифа о древности христианства на Севере. Только в уже упоминавшемся рассказе о междукняжии 1176—1177 гг., где автор-владимирец оспаривает ростовский приоритет, прорывается фраза об основании Владимира князем Владимиром Святославичем: «постави бо преже градо-сь великий Володимер, и потом князь Андрей»³⁹.

Однако в позднейшем общерусском летописании эти темы выступают развернуто в виде как бы двух конкурировавших, но слившихся версий — ростовской и владимирской. Так, например, в Воскресенской летописи под 990 г. сообщается о приходе Владимира в Суздальскую землю, об основании им «во свое имя» города Владимира, укреплении его валами, постройке деревянного собора Богородицы и крещении всех людей «русских» и «наместниц» (т. е. местного иноязычного мерянского населения). Под следующим, 991 г. читаем о поставлении в Ростов полученного «у Фотия патриарха» епископа «Феодора Гречина», который построил здесь дубовую церковь Успения. Здесь же приведен перечень служивших в ней епископов, открываемый именами Федора и Илариона и заканчивающийся седьмым епископом — греком Леоном и сообщением о пожаре этого храма через 168 лет⁴⁰.

Поиски источников этих сведений ведут к ростовскому владычному летописанию — может быть, к своду владыки Григория (умер в 1416 г.)⁴¹. Относительно версии об основании г. Владимира Владимиром Святославичем принято считать, что она есть «отражение идеологии правительственных кругов Москвы XV—XVI вв., стремившихся подчеркнуть значение г. Владимира и его патрональной святыни — Успенского собора»⁴². Теперь совершенно ясно, что роль московских книжников сильно преувеличивалась. Легенда о древности христианства на Северо-Востоке

³⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 378. Н. М. Карамзин, комментируя данный текст, отметил, что владимирцы утверждали, «что их город, основанный Владимиром Великим, имеет право на знаменитость», и в примечании добавил: «быть может, что жители Владимирские в XIII (XII? — Н. В.) веке, желая придать городу своему большую знаменитость, уже называли строителем его не Владимира Мономаха, а Владимира Святого» (Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1842, т. III, стб. 25 и прим. 37). См. также И. У. Будовиц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 425.

⁴⁰ ПСРЛ, т. VII, стр. 313—314; ср. ПСРЛ, т. IX, стр. 63—65; т. XV (Твер. л.), стр. 114—115 и сл. Г. А. Розенкамф, комментируя текст Никоновской летописи (составленной «из списков, вероятно, ныне более несуществующих») о крещении Ростовской земли при Владимире, отметив анахронизм упоминания умершего в 891 г. «Фотия патриарха», считал, что это не значит, «что сей патриарх поставил сих епископов, но что они принадлежат к тому разряду духовенства, который существовал в России со времен Фотия, как первого основателя русской и болгарской церкви. . . И в Греции многих епископов называли «Фотиевыми», хотя Фотия давно уже не было в живых, и хотя они не были рукоположены сим знаменитым патриархом. Посему приведенное здесь место нисколько не включает в себе анахронизма» (Г. А. Розенкамф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839, стр. 133). Е. Е. Голубинский считал упоминание Фотия отражением знакомства на Руси с «Окружным посланием» Фотия о первом крещении Руссов (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1, стр. 278—279).

⁴¹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной». «Отчет о сороковом присуждении награды графа Уварова». СПб., 1899, стр. 202—204; е г о ж е. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. ИОРЯС, VIII, кн. 4, стр. 94—95; е г о ж е. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 292.

⁴² «Повесть временных лет», т. II. М.—Л., 1950, стр. 381.

была создана в 60-х годах XII в. владимирской действительностью в обстановке борьбы за церковные права Владимирской Руси, борьбы с греческой «игемонией», противоречий между старым Ростовом и молодой столицей Владимиром, оспаривавших друг у друга церковное «первородство». Можно думать, что эта легенда вошла и в летописание и сводчики ростовских владык использовали в своей работе недошедшей до нас древний летописный материал. На это может указывать точность перечня служивших в деревянном Успенском соборе Ростова владык от легендарных греков до грека Леона, а также конкретность деления якобы крещенных Федором жителей на колонистов-русских и «наместниц»-мерян. Детальное текстологическое изучение летописных передач этой легенды, может быть, позволит уточнить ответ.

Возможно, однако, что владимирское летописание и агиография, обслуживая одни и те же политические нужды и находясь в руках того же, руководимого князем Андреем кружка владимирских писателей, не имели четкого разграничения своих задач. Оценивая преемственность литературной традиции Северо-Восточной агиографии от киевской, С. А. Бугославский справедливо писал, что «по-прежнему в житиях сочетаются элементы агиографические и документально-летописные. . . , что северо-восточные агиографы смотрели на свой труд не только как на обслуживающие интересы церкви, но и как на задачу политическую и историческую», что «тесная связь летописания и агиографии, как разделов историко-публицистической работы, не прерывалась в Ростовской земле. . .»⁴³ Любопытно, что созданная владимирскими книжниками историческая легенда о древности христианства на Северо-Востоке оказывалась несогласованной с другими владимирскими же произведениями этой поры. Так, например, в «Сказании о чудесах Владимирской иконы» население Ростовской земли называется «новопросвещенным», т. е. недавно крещеным, что было исторически верно, но противоречило легенде о «первых» епископах-греках⁴⁴. Несомненно также, что память об основании г. Владимира Владимиром Мономахом в 1108 г. была жива; как можно думать, запись об этом имелась в юрьевом суздальском летописце, равно как в его первых ростовских записях содержались положительные сведения о начале ростовской епископии в 60-х годах XI в., деятельности Леонтия и его убийстве восставшими язычниками, о чем знал по «старому летописцу ростовскому» один из составителей Киево-Печерского патерика — владимирский епископ Симон.

Тем не менее миф о древности христианства на Северо-Востоке, созданный книжниками Андрея Боголюбского, прочно вошел через «Житие» Леонтия и ростовское летописание в общерусские летописные своды, политическим тенденциям которых он был очень созвучен. Он встретил доверие и у историков церкви⁴⁵, и даже в советской историографии⁴⁶.

Вернемся к литературной истории «Жития» Леонтия.

⁴³ С. А. Бугославский. Жития, стр. 64—65.

⁴⁴ «Сказание о чудесах», стр. 31. Возможно, впрочем, что это разноречие связано с составлением первого рассказа «Сказания» об уходе Андрея из Вышгорода раньше появления «Жития» Леонтия.

⁴⁵ Макарий. Ук. соч., т. II, стр. 27; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1, стр. 199—200. Критику легенды об основании г. Владимира Владимиром Святославичем дал А. Буний («О времени основания г. Владимира на Клязьме». «Археологические известия и заметки», 1898, № 5 и 6). Неуклюжую попытку защитить легенду сделал священник П. Ильинский («Об основании Владимира на Клязьме великим князем Владимиром святым». Владимир, 1916). См. также Н. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. СА, VIII, 1946.

⁴⁶ С. А. Бугославский. Жития, стр. 64: «первые ростовские епископы были поставлены из Константинополя и Киево-Печерского монастыря».

5

Как мы уже говорили выше, в связи с анализом древнейшей части «Жития Леонтия», к ней в 90-х годах примкнул текст об установлении празднования Леонтию епископом Иоанном, о первом «чуде» у гроба Леонтия и «Похвальное слово» в его честь.

Время этих мероприятий Иоанна в пространной редакции «Жития» определяется так: сначала, в 1190 г., Иоанн установил празднование Леонтию 23 мая, а якобы четыре года спустя, в 1194 г., произошло первое и единственное «чудо»⁴⁷. Вызывает сомнение, что это «чудо» было организовано церковниками после установления празднования: вероятнее думать, что оно и имело смысл лишь как повод для местного церковного прославления Леонтия. Действительно, Тверской летописный сборник донес до нас сообщение, укрепляющее наше недоверие к датам «Жития». Здесь под 1194 г. читаем, что «того же лета ростовский владыка Иоан сътвори Леонтию епископу, ростовскому чудотворцу память; и оттоле начаша празновати ему»⁴⁸. Таким образом, память Леонтия начали праздновать в связи с организованным для этой цели чудом.

Мы пока не знаем непосредственных мотивов, вызвавших это мероприятие ростовского епископа. Во всяком случае Всеволод III был, очевидно, к нему не причастен. Как мы увидим далее из данных составленного Иоанном II канона Леонтию, теперь его почитание использовалось, в частности, не в общеполитических и общерусских интересах Владимирской земли, как при Андрее, а в целях узкоместных, проростовских, для возбуждения еще не потухшего недовольства церковным и политическим приоритетом Владимира.

Так как по уже известным нам мотивам о насильственной смерти Леонтия его «Житие» умалчивало и он шел в русский пантеон не как «мученик», а «нетленность» его останков, прокламированная в «Житии», являлась явной выдумкой, то важно было привлечь внимание к гробу Леонтия, организацией какого-либо громкого «чуда». Это и было осуществлено и пространно описано в дополнении к «Житию», сделанному в эту пору.

Сравнивая этот, кратко изложенный выше рассказ с лаконичными и предельно простыми рассказами «Сказания о чудесах Владимирской иконы», легко ощутить его многословность и подробность, призванные убедить в истинности происшедшего. Но эта обстоятельность рассказа с еще большей ясностью уличает самих организаторов чуда, ростовских соборян. Очень эффектную картину ночного богослужения вставшего из гроба Леонтия и свет зажженных ангелами свечей у его саркофага «видел» лишь соборный пономарь, сообщивший обо всем епископу Иоанну. Но этого мало — в инсценировку был введен еще один из соборян, «некто от клирик», который якобы рискнул по окончании утрени погасить горевшие «ангельским» огнем свечи у гроба. «И шибе его ангел [ср. «шибе его бес» в летописном рассказе 1071 г. о чудском волхве] и бысть раслаблен рукама и ногама глух и нем немогий ся ни двинути». Наказанный начал молиться богородице и Леонтию о прощении. При этом еще до «чуда», «людье же от страха видевше чудо се отидоша!» Епископ же «сего [т. е. клирика] повеле ту пустити [куда?]». Покаяние клирика, продолженное за литургией, привело к его «исцелению» — «вси же людье прославиша милосердаго бога и пречистую его матерь. даровавшего таковую благодать граду Ростову».

⁴⁷ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 11.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XV (Твер. л.), стб. 281.

Далее непосредственно следует «Похвальное слово» Леонтию (произнесенное, видимо, самим епископом Иоанном), призывающее молящихся соблюдать божьи заповеди, а также «не лениться почтити праздника сего и похвалити своего учителя [т. е. Леонтия]». Используя «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, автор приравнивает Леонтия к апостолам Петру и Павлу, царю Константину и Владимиру, крестителю Руси. Любопытно, что, пользуясь «Словом» Илариона, автор «Похвального слова» Леонтию повторяет его мысль, что «зде бо апостолы не были». Это позволяло поднять авторитет «апостольской» миссии Леонтия. Но, с другой стороны, это решительно отвергало легенду о посещении Руси и ее крещении апостолом Андреем Первозванным. Известная на Руси уже в конце XI в. и внесенная в «Повесть временных лет», она была по существу антигреческой и использовалась в деле Клима Смолятича, а позднее для защиты падавшего авторитета Киева⁴⁹. Следовательно, автор «Похвального слова» явно придерживался греческой ориентации, о чем мы сможем определеннее говорить дальше. Автор завершает проповедь обращением к заступничеству Леонтия «за правовернаго и христоролюбиваго князя нашего и за вся люди своя». Отметим, что и здесь проскальзывает намек на «мученичество» Леонтия («не постыдно предася за веру»), а также отголосок легенды о «первых» епископах-греках («с прежними почивая святители»).

Таково добавление к «Житию Леонтия», сделанное в 1194 г. при епископе Иоанне или им самим. Последнее предположение подкрепляется другими данными о литературной деятельности Иоанна.

Как уже отмечалось в литературе, епископ Иоанн составил канон епископу Леонтию, сохранившийся в составе «Службы» ему с указанием автора: «канон святому Леонтию ростовскому — творение Иоанна епископа тоя же богоспасаемаго епископа»⁵⁰. Обследование ряда списков «Службы» показывает, что Иоанном был составлен не один, а два канона. Первый — более обширен⁵¹, второй — более краток⁵². В ряде списков «Службы» оба канона сплетены в единое целое⁵³.

Оба канона в своих конкретных данных опираются на краткую редакцию «Жития» (хотя эти реальные исторические или литературные подробности тонут в трафаретных похвалах и риторических молитвенных обращениях общего свойства). Таковы в I каноне упоминания о проповеди Леонтия, о восстании язычников («бес подвиже устремление людско

⁴⁹ В. Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. «Труды В. Г. Васильевского», т. II, ч. 1. СПб., 1909; А. Карташев. Был ли апостол Андрей на Руси? «Христианское чтение», 1907, кн. VII; П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 126—127; М. Д. Прислелков. Очерки, стр. 160—162, 234; А. Седелников. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. «Slavia», 1924, ч. III, з. 1—2, стр. 325—332; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, IV. М.—Л., 1940, стр. 149—150; В. П. Адрианова-Перетц. Апокрифы. «История русской литературы», т. I, стр. 75; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 170, 177.

⁵⁰ В. О. Ключевский. Жития, стр. 11 и прим. 1. Об одном каноне Иоанна говорит и П. М. Строев («Библиологический словарь и черновые к нему материалы». СПб., 1882, стр. 138).

⁵¹ Псалтырь XVI в. Библиотека Троице-Сергиевой лавры, л. 629 об. и сл. РОБИЛ, ф. 304, № 327; см. также Псалтырь XV в. того же собрания, № 313, л. 407 и сл. Начало: «Светом твоего божества, Христе, мрак неведения душа моя озарив. . .».

⁵² Сборник служб и житий XVI в. Библиотека Троице-Сергиевой лавры, л. 94 и сл. РОБИЛ, ф. 304, № 630. Заголовок: «Канон второй святому Леонтию епископу ростовскому чудотворцу мая в 23 творение Иоанна епископа ростовскаго». Начало: «Греховный мрак отжени, светодавче Христе мой. . .».

⁵³ См., например, Миния служебная конца XV в. Библиотека Троице-Сергиевой лавры, л. 126 и сл. РОБИЛ, ф. 304, № 558.

на святопомазанную ти главу, ты же молитвою разслаблены и немощны поверже я»), о «нетлении» его останков, о чуде со свечами и клирике; интересен проскользнувший и здесь, как и в «Слове» Иоанна, намек на насильственную смерть Леонтия («яко жрѣтва благоприятна въ воюю благоуханиа принесеса Христу»); в молитве к Христу просят: «врагов нечестивых державу [выю] низложи [низверзи] под нозе православному [правовержному] и благоразумному князю нашему»⁵⁴.

Отметим здесь, что культ Леонтия мыслится соподчиненным главному владимирскому богородичному культу. В разобранном выше рассказе о чуде с клириком пострадавший прежде всего обращается к богородице, а потом «ко гробу» Леонтия. Также в в I каноне обращения к нему отходят как бы на второй план рядом с обращениями к богородице. Он в сущности выступает как посредник между нею и людьми. Позднейший рассказ о чуде с расслабленным отроком (XVI в.) упоминает о находившейся в Ростовском соборе иконе богоматери с предстоящим Леонтием⁵⁵.

Если I канон лишен каких-либо местных ростовских тенденций и, возможно, был рассчитан на отправление службы во Владимире, что и определило выдвижение на первый план богородицы — главной патронессы Владимира, то II канон откровенно проникнут местной ростовской тенденцией. Леонтий — «пастырь и учитель граду Ростову», «Ростовстей земли светило великое»; «светел воистинну и пречестен и выше многих град превъзнесеса Ростовский град, имея в себе пречистую церковь владычицы богородицы, в ней же положен бысть бисер безъценный», т. е. останки Леонтия. Приведенные слова ясно выражают неугасающую в Ростове мысль о его приоритете над Владимиром и, может быть, даже намекают на величие ростовского Успенского собора, превосходившего владимирский. Эта тенденция II канона хорошо связывается с рассказом «Жития Леонтия» о чуде 1194 г., где также подчеркнуто, что бог даровал «таковую благодать граду Ростову, а не всей земле. В другом месте II канона величие Ростова прокламируется в еще более широком аспекте. Якобы «пелены» Леонтия были и в Царьграде: «Твоими пеленами хвалится царьский град, богومудре святителю, множае красится Ростов, пречестное тело твое дръжа, яко богатство истинно. . .». В воображении ростовского епископа Ростов соперничает с самим Царьградом! Но при этом во II каноне нет и намек на антигреческий миф о легендарных предшественниках Леонтия епископах-греках или о крещении Ростовской земли Владимиром.

Интересны и два других места II канона, позволяющие видеть в них глубоко запрятанную политическую контрверзу. Видимо, напоминая о роли Андрея в открытии мощей Леонтия, Иоанн пишет: «Князь убо паче обретению твоему радуется, нежели порфире своей, священник же божественый любовию съзывает верных множества, святителю Леонтие, и просвещения божественаго исполняются». И в другом месте: «Князь православный усердно тя сретаетъ въкупе со христолюбивыми людьми, пастырь же лучший и простираетъ руже к тебе и прикасается пречистем теле твоём и с веселием вопиетъ благодарно. . .». Здесь внешне все бузупречно — дважды подчеркнуто единодушие княжеской власти и церкви в организации нового культа. Но нельзя не обратить внимания на особое восхваление епископа: он «божественый» и «лучший», он ближе к новой святыне, он видит в ней источник христианского «просвещения». Он как бы противопоставляется князю, который, по словам II канона, осмысливает «обретение» мощей

⁵⁴ Текст по Псалтыри № 327, варианты по Псалтыри № 313.

⁵⁵ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 25.

в одном ряду со своим политическим авторитетом, своей «порфирой»⁵⁶. Не сказываются ли здесь в завуалированной форме внутренние противоречия между главой церкви и крепнущей княжеской властью? Припоминая подчеркнутый проростовский тон II канона, который едва ли ласкал княжеский слух после ожесточенной борьбы Всеволода III с ростовской знатью, легче ощутить и в этих, по форме лойяльных, репликах Иоанна в адрес князя особый скрытый смысл. Вспомним, что позднее владимирский сводчик 1212 г. удалит из летописи сообщения о деятельности Иоанна, а в 1214 г. Юрий Всеволодович попросту прогонит его с престола⁵⁷.

Можно в заключение указать на отдельные места, говорящие об использовании Иоанном литературных произведений 60-х годов. Так, в I каноне обращение к богородице: «спаси люди и град к тебе уповающая» — напоминает лейтмотив «Службы на Покров». Прямую связь с памятниками покровского культа обнаруживает моление к богородице II канона: «весь мир покрый крилома своима, . . . пречистей си руце въздеючи к нему [Спасу] избави нас от грядущего гнева».

6

Здесь же мы должны рассмотреть находящееся в пространной редакции «Жития Леонтия» обширное «Поучение на память святого отца нашего Леонтия епископа ростовского чудотворца»⁵⁸. Видимо, оно существовало в виде особого сочинения и было присоединено вместе с расширенным материалом краткой редакции к редакции пространной. Изданное в 1858 г. и отнесенное издателем ко времени вскоре после открытия мощей Леонтия⁵⁹, оно было отмечено и В. О. Ключевским, который, однако, почему-то считал это определение лишённым «всяких оснований» и датировал его временем 1467—1514 гг. по дате написания сборника (1514), где оно было им встречено⁶⁰. Думаем, однако, что этот приговор почтенного историка поспешен и несправедлив и что ближе к истине определение первого издателя памятника.

«Поучение» составлено в Ростове и произнесено здесь, конечно, не ранее 1194 г. — времени установления празднования Леонтию. Оно и начинается с обращения к «христоролюбцам», собравшимся вновь «паки» на «светлое тръжество» праздника Леонтия «в великий сей духовный всесвященный храм пречистый богоматере», т. е. в ростовский Успенский собор, который с полным основанием мог быть назван «великим». Как и во II каноне Иоанна, здесь сквозит мысль о местном, ростовском значении Леонтия — «сь бо ростовскую землю просвети». «Поучение» явно

⁵⁶ Возможно, что «порфира» — не только риторический символ светской власти. Порфира — это багряница, пурпурная царская одежда (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1902, стб. 1223). Н. П. Кондаков полагал, что на Руси с великокняжеским титулом связывалась специальная одежда, которую он называет «великокняжеской порфирой»: это красный плащ типа корзна, подражающий царской мантии византийского императора (Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 94—98). Анализ владимирского «Сказания о празднике Спаса», вскрывающий притязания Андрея Боголюбского на «равноправие» с Мануилом Комниным, позволяет думать, что русский князь перенял и сходные с византийскими «царские» регалии.

⁵⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 83—84.

⁵⁸ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 14—18.

⁵⁹ «Православный собеседник», 1858, № 3.

⁶⁰ В. О. Ключевский. Жития, стр. 13 и прим. 1.

зависимо от «Похвального слова» Иоанна, приведенного в кратком «Житии Леонтия», и как бы развертывает его (так, вместо краткого совета «не лениться» в соблюдении «заповедей господних» здесь они приведены полностью).

Как в «Слове» Иоанна, так и в «Поучении» еще более широко используется «Слово о законе и благодати» Илариона, из которого включаются почти без переработки целые куски:

«С л о в о о з а к о н е и б л а г о д а т и»

«Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсияти, не вливают бо, по словеси господню, вина новаго — учения благодатна в мехы ветхы обетшавшая в иудействе, сице ли просядутся меси и вино прольетсяя. . . Но ново учение новы мехы, новы языки новое и соблюдется якоже и есть. Вера бо благодатна по всей земли распростресея и до нашего языка русьскаго дойде и законное езеро пресе и еуангельский же источник наводнився и всю землю покрыв и до нас проливаясья.

«. . . и всем быти крестьяном малым и великим, рабом и свободным, уным и старым, богатым и убогим. . . и въ едино время вся земля наша възслави Христа со отцемъ и съ святымъ духом. Тогда начат мрак идольский от нас отходити и заря благоверия явишас. . .»

«П о у ч е н и е»

«Лепо убо благодати истинны на новыя люди въсияти, не вливаетъ бо, по словеси господню, вина новаго учения благодатна в мехы ветхы обетшавшая, аще ли просядутся меси и вино пролиетсяя, ново учение, новы мехы, новы языки, но обое съблюдется якоже есть вера благодатна по всей земли простресея и до нашего языка русскаго изиде, иудейское езеро исше и еуангельский же источник наводни вся и, всю землю покрыв и до нас изиде».

«и всем быти христианом сътвори малым и великим, рабом и свободным, унотам и старым, богатым и убогим. И въ единѣ время убо вся земля наша възславит Христа съ отцемъ и с пресвятымъ духом. Тогда нача мрак идольский от нас отходити и свет благоверна вося. . .»

Легкость компиляции определялась сходством задачи обоих произведений: прославления «крестителей» Владимира и Леонтия, торжества христианства над иудейством и язычеством.

Можно указать и на более вольные парафразы из «Слова» Илариона; например:

«С л о в о»

Владимир «с ризами ветхаго человека сложи тленная. . . и изыде от купели белообразующисяя».

«просящим подавая, нагыя одевая, жадныя и алчныя насыщая, болящим велико утешение посылаа, должныя искупаа, работнаа свобождаа».

«П о у ч е н и е»

«яко да ветхаго человека съвлецемся, яко да явимся паче снега бела».

«алчныя напитай и жадныя напои, нагыя одевай, странныя приеми, болных присецай, нищяя введи в дом свой, сиротам буди во отца место. . .»

Любопытно сходство детали: Владимир — «друже правде», а Леонтий — «друже» Христов.

Кое в чем можно ощутить переключку «Поучения» с «Поучением» Мономаха. «Страхом и трепетом почти Христа, якоже той тя почте, от небытия тя в бытие приведе и тебе ради все сътвори видимая же и невидимая — небо и землю, солнце и месяц и звезды, море и реки и киты, источники, зверие и птицы, и вся четвероногия сътвори, да ты възведет в первое райское место». Этот текст напоминает по своему замыслу знаменитое рассуждение Мономаха: «Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоя и твоих великих чюдес и доброт, устроеных на сем свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Зверье разноличнии, и птица, и рыбы украшено твоим промыслом, господи! И сему чюду дивуемы, како от персти создав человека. . . И сему

ся подивуемь, како птица небесная из ирья идуть и первее в наши руке. . . Все же то дал бог на угодые человека, на снедь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже на угодыя створил еси человека дея грешна!»⁶¹ Как мы доказываем в специальном исследовании, «Поучение» Мономаха находилось в руках владимирских книжников и было впервые включено во Владимирский свод 1169—1177 гг., что усиливает правомерность сделанного сопоставления. Но если широкая картина мира у Мономаха проникнута светлым и радостным восприятием жизни, то в «Поучении» она лишь повод и причина для почитания Христа «со страхом и трепетом». Нет здесь и той идеалистической картины человеческой жизни, какую рисовали владимирские писатели 60-х годов, создававшие иллюзию социального мира и воспевавшие неизменно доброе к чтущим его людям божество. Здесь все звучит иначе: Леонтий «землю удиви чудесы страшными», он не только «молитвенник» о людях, но и суровый судья, не прощающий грехов: «аще ли не остануцеса от пръвых грехов своих, но и другиа прилагаем, то не послушают нас святии ни дасть ны бог прощения, но и зде томит ранами, и по въскресени муце вечней предасть. . .». Гроза «страшного суда» решительно входит в арсенал аргументов проповедника.

И не случайно вместе с картиной мироздания, направленного на благо человека, в «Поучении» приводится воспоминание о памятнике более чем столетней давности, об угрожающем «Слове о ведре и казнях божиих», использованном в «Повести временных лет» в связи с рассказом о нашествии половцев и киевском восстании 1068 г.⁶² Автор «Поучения» пишет: «Но ты, того оставль, служеши твари бездушной, яко богу, да того ради бывает небо затворено бездождия плодом, пагуба ово сланую, ово градом, ово язвами различными». Язычество еще вызывает тревожные заботы автора «Поучения». Оно мелькает по ходу его речи не раз: «не птичия гласования, но ангельский глас благовествует днесь. . .», «где дуси въгнеждахуся оттуду ныне отгоняхуся. . .», «празднуем днесь не еллинскыи, но духовне, не чреву, но души. . .». А после напоминания о каре в загробной жизни проповедник и прямо называет современные ему грехи — «чародейства, волшебы, плясания, имже бесом угодия творим». Все это, конечно, говорит не о конце XV в., к которому относил «Поучение» В. О. Ключевский, а о поре куда более древней.

Точно так же тревожат проповедника и весьма злободневные темы, возбуждающие народные волнения. Перечень черных деяний господствующего класса тоже вновь напоминает «Слово о ведре и казнях божиих», свидетельствуя, что выдвинутая в конце XI—начале XII в. концепция гражданского мира и социального примирения⁶³ потерпела полный крах, как и патриархальные иллюзии владимирских писателей 60-х годов. Автор «Поучения» вновь взывает, чтобы те, кто «в питании сластех обетшасте», забыли «памятозлобие», а «елице висоци и богатеюще есть» занялись «милосердием и смирением». Здесь и лихоимство, и клевета, и лжесвидетельство, и «восхищение чюжаго обидою», и внутренние свары господ, воздающих «зла за зло» и «клеветы за клевету».

Все сказанное позволяет считать, что «Поучение на память Леонтия» стоит очень близко к установлению его праздника в 1194 г. Черты, связывающие его с краткой редакцией «Жития Леонтия», и особенно с при-

⁶¹ ПСРЛ, т. I, стб. 244.

⁶² Там же, стб. 167—170.

⁶³ И. У. Б уд о в н и ц. Общественная и политическая мысль. . ., стр. 103—148.

веденным в нем кратким «Похвальным словом» Иоанна, а также с его II каноном Леонтию, позволяют считать автором «Поучения» того же епископа Иоанна.

80—90-е годы XII в. отмечены городскими волнениями во Владимире; летопись упомянула лишь о том, что в связи с пожаром города 1185 г. «и се пристраннее и страшнее, яко на хрестьяньске роде страх, колебание и беда упространися», т. е. страшнее пожара было народное «колебание»⁶⁴. А в 1194—1196 гг. князь Всеволод III вместе с епископом Иоанном вынуждены были опоясать свои дворы и храмы во Владимире стеной каменного детинца, что обеспечивало их безопасность в своей же столице, а беспокойный владимирский торг был переведен в Средний город в непосредственную близость и под контроль княжеско-епископской твердыни⁶⁵. Таким образом, культ Леонтия, вызванный нуждами церковно-политической борьбы Андрея Боголюбского 60-х годов, вновь привлек внимание в 90-х годах не случайно. Установление церковного празднования Леонтию и организация его «чуда» были вызваны прежде всего ростом недовольства городских низов. Отсюда угрожающий тон «Поучения» Иоанна, тема о возмездии «страшного суда», борьба на два фронта с языческими пережитками в народе и со злодействами господ. С другой стороны, церковное прославление Леонтия, как свидетельствует II канон Иоанна, отвечало местным чаяниям ростовской знати, не мирившейся с приоритетом Владимира и стремившейся возродить былой престиж Ростова. Местная канонизация Леонтия епископом Иоанном закрепила его место в русском пантеоне. В летописной похвале ростовскому епископу Кириллу (1231) Леонтий уже назван «святый и священный епископ»⁶⁶.

7

Теперь остается последний вопрос литературной истории «Жития» Леонтия — о времени сложения его пространной (III и IV) редакции.

В. О. Ключевский, датируя рассмотренное нами «Поучение» второй половиной XV—началом XVI в., к этой же поре отнес и появление пространной (III) редакции, развившей собственно житийную часть памятника, дополнившей его рассказами о «чудесах» Леонтия XIV—XV вв. и внесшей в повествование о событиях XII в. хронологическую канву и летописные вставки⁶⁷. Впрочем, последние дополнения летописного характера вызывали колебания и противоречивые оценки исследователя. С одной стороны, он полагал, что летописные дополнения к истории культа Леонтия в XII в. сделаны «тем же Иоанном или по его внушению в 1194—1204 гг.»⁶⁸, а летописные вставки в собственно житийную часть (о древности крещения Ростовской земли) принадлежат позднейшей поре, так как «повторяют ошибки позднейших летописцев»⁶⁹. К последним он и относил версию о древности крещения Северо-Востока, всплывающую, как мы видели, действительно лишь в позднейших летописных сводах. В то же время исследователь замечает, что «четвертая редакция своими обильными летописными вставками представляет наглядный пример подобного образования жития с помощью летописи. В таком случае выражения жития, обличающие Андреева современника в авторе, принадлежат летописцу и, по обычаю древнерусских редакторов, переписи

⁶⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 393.

⁶⁵ Н. Н. Ворониин. Зодчество..., т. I, стр. 446—460.

⁶⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 457—458.

⁶⁷ В. О. Ключевский. Жития, стр. 12.

⁶⁸ Там же, стр. 11.

⁶⁹ Там же, стр. 22.

саны целиком в немного позднейшем [т. е. 90-х годов XII в.] сказании»⁷⁰.

Остановимся сначала на вопросе о распространении собственно житийной части в пространной редакции «Жития». Основное в ней — развитие и детализация мысли о греческом, царьградском происхождении Леонтия и его поставлении в Ростов самим патриархом, о древности ростовской епископии и «первых епископах» Федоре и Иларионе. Эти темы в краткой редакции выражены лишь в вводной фразе. В пространной они разрослись в обширный и подробный рассказ с «чудесными» обстоятельствами самого избрания патриархом именно Леонтия. Также усилены и развиты трудности «просветительской» деятельности Леонтия в закосневшем в язычестве Ростове. Кому и когда было нужно и выгодно развить эти стороны «Жития»? Думается, что не ошибемся, если предварительно ответим так: не в позднейшее время, а тогда, когда шла борьба за канонизацию Леонтия, за утверждение его культа, т. е. в XII в., и вероятнее всего — при епископе Иоанне, в 90-х годах. Для подтверждения этого положения есть и некоторые фактические основания. Вспомним, что во II каноне епископа Иоанна утверждается мысль, что связанные с Леонтием реликвии якобы почитались в Константинополе («твоими целенами хвалится царский град, богомудре святителю, множае красится Ростов»). Эти и подобные мифические версии, создававшиеся с целью прославления Леонтия к вящей славе Ростова, особенно пропагандировались в ростовской епископии. В пользу раннего распространения «Жития Леонтия» свидетельствует и составленная в первой половине XIV в. «Повесть о Петре, царевиче ордынском»⁷¹. Ее автор — монах ростовского Петровского монастыря, вспоминая о времени ростовского епископа Кирилла II (1230—1262), сообщает, что при поездке к хану Берке с хлопотами о льготах для ростовской епископии Кирилл рассказывал «царю о святем Леонтии, еже от греческия земли родом, како благословением патриарха прииде, и како крести град Ростов и како увери люди, и како честь прия от русских князей, и от греческого царя, и от патриарха, и от всего вселенскаго собора, и како по преставлении его сдеваются чудеса от раки мощей его и до сего дня»⁷². Это свидетельство раннего ростовского источника в сущности совпадает с идеями пространного «Жития» и цитированным местом из II канона Иоанна о почитании Леонтия в самом Царьграде. Та же «Повесть о Петре, царевиче ордынском» сообщает, что при Кирилле в ростовском Успенском соборе «левый клирос гречески пояху, а правый русски»⁷³. «Греческая легенда», созданная книжниками Боголюбского с антивизантийскими целями, приобретала при епископе Иоанне прямо противоположный смысл: ростовская епископия демонстративно подчеркивала свою грекофильскую ориентацию, свою ортодоксальность, что, несомненно, играло определенную роль и в политической борьбе с гегемонией новой столицы — Владимира.

Точно так же и оснащение пространной редакции «Жития» летописными вставками, придававшими ему большую историческую документальность, произошло не в XV в., а в епископство Иоанна. Выше мы говорили об обширной летописной вставке о крещении Ростовской земли при Владимире «святом» и ее связи с концепцией церковно-исторического равноправия Северо-Восточной Руси с Южной. В рассказ об открытии

⁷⁰ В. О. Ключевский. Жития, стр. 12.

⁷¹ В. О. Ключевский. Жития, стр. 38—43; А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 40, прим. 2; стр. 107—108.

⁷² Ф. Буслеев. Русская хрестоматия. М., 1898, стр. 149.

⁷³ Там же, стр. 151.

гроба Леонтия внесены лишь две даты: дата пожара дубового Ростовского собора и распоряжения князя Андрея о постройке каменной церкви (1160), соответствующая летописной дате, и ошибочная дата начала отрывки рвов для фундаментов (1164), о чем говорилось выше. Но основные даты и летописные вставки введены на протяжении рассказа от постановки саркофага Леонтия в новом соборе (1162) и до организации его почитания епископом Иоанном (1194). Они частью совпадают с действительными датами, частью расходятся. Так, ошибочна дата приезда Андрея «в Ростов из Володимеря» на поклонение гробнице Леонтия после постановки ее в новом соборе (1170 г. вместо 1162 г.). С верной датой (1174), отличающейся, однако, от даты Владимирского свода (1175), помещено краткое изложение «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» по краткой редакции свода 1193 г. Затем следует ряд справок церковно-исторического характера. Интересно, что рассказу о конфликте Всеволода с митрополитом по вопросу о замещении епископской кафедры (отказ от Николы-гречина и поставление Луки) предпослана вводная фраза: «По сем преставльшуся Леону епископу ростовскому». Никаких сведений о смерти Леона во Владимирском своде нет. Упоминание «Жития» — единственное указание, что Леон умер в промежуток между 1174 и 1184 гг. Текст о поставлении Луки частью совпадает с рассказом Владимирского свода⁷⁴. Затем упоминается о росписи Ростовского собора в 1188 г. и смерти Луки. Последующий текст о поставлении на епископию княжеского духовника Иоанна в 1190 г. и его приходе в Ростов совпадает с Владимирским сводом⁷⁵. Далее — уже известное нам сообщение об установлении Иоанном празднования Леонтию якобы в том же 1190 г. и «чуде» 1194 г.

Как видим, «документализация» истории прославления Леонтия и ее увязка с историей северо-восточной церкви опирается на древние летописные источники, в частности на Владимирский свод 1193 г. и, возможно, на какие-то местные ростовские записи, с которыми связаны ошибочные даты событий. Все эти вставки не идут далее 1194 г., когда Иоанн установил празднование Леонтию. Следом за рассказом о «чуде» идет краткое «Слово» Иоанна, а за ним его же пространное «Поучение», сказанное, видимо, уже во второй половине 90-х годов в праздник Леонтия. К этому времени, вероятно, и складывается пространная редакция «Жития», составление которой, скорее всего, следует приписывать автору двух канонов Леонтию — тому же епископу Иоанну.

8

Поздним добавлением к основному древнему (XII в.) тексту пространной (IV) редакции являются рассказы о «чудесах» Леонтия, происшедших «в последняя лета»⁷⁶. Данные для определения этих «последних лет» содержит сам текст. Их рамки в общей форме определил В. О. Ключевский: между архиепископством Федора (1390—1395) и после Трифона (1462—1468)⁷⁷. Можно уточнить историю сложения этого цикла рассказов. В 1390 г. была учреждена ростовская архиепископия, в связи с чем возник интерес к ростовским реликвиям и их прославлению. В кратком предисловии к статье о чудесах автор использует ряд мест из собственно

⁷⁴ От слов «зане бе поставил на мзде. . .» до слов «Софрония архиепископа Иерусалимьскаго» (А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 10—11; ср. ПСРЛ, т. I, стб. 390—391).

⁷⁵ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 11; ср. ПСРЛ, т. I, стб. 408.

⁷⁶ Там же, стр. 18 и сл.

⁷⁷ В. О. Ключевский. Жития, стр. 12—13, прим. 1.

житийной части (краткой редакции, вошедшей в пространную). Первые три «чуда» связаны с временем первых архиепископов Федора и Григория (1396—1416) и с исцелением одного и того же лица — князя Ивана Александровича, сына Александра Константиновича, упоминаемого во всех трех рассказах и умершего в 1404 г.⁷⁸, т. е. они составлены до 1404 г. или приурочены к этой поре. Связь «чудес» с одним лицом, их «серийность» выдает их чисто литературное происхождение без какой-либо попытки обставить чудеса «видоками», а тем более разыграть их при стечении народа. Они просто сочинены в целях повышения авторитета и «рентабельности» мощей Леонтия.

О том же свидетельствует большой четвертый рассказ, составленный или при архиепископе Григории, или вскоре после него⁷⁹. Этот текст очень конкретен. Здесь рассказывается о пожаре Ростова 21 июня 1408 г., когда обрушились своды собора, и нашествии Едигея, в связи с чем приведено поучение, может быть, сказанное самим Григорием, использовавшим мотивы «Почтения епископа Иоанна» о божьем гневе, ниспосланном за грехи «и о суде грознем». Далее очень точно рассказывается о восстановлении Ростовского собора Григорием, который вновь «сияет... якоже светило велие в Русстей земли». Конкретные подробности «реставрации» собора Григорием, устройством в нем каменных «леса» (лестницы) и «сосудохранильницы» совершенно точны и подтвердились археологическими исследованиями⁸⁰. Собственно, никакого чуда не было, однако якобы «людие же дивляхуся преславному тому чудеси божиа матере яко въборзе тако съделана бысть церкви и хвалу въздааху святей богородици и угоднику еа чудотворцу Леонтию». И далее автор просто сообщает, что после освящения собора у гроба Леонтия за один месяц «40 чудоносных исцелений быша слепым, хромым, немым, сухорукым, недужным и разслабленным», что вызвало якобы широкий приток богомольцев!

Так же, не имея никаких конкретных данных о каких-либо организованных ростовскими соборянами «чудесах», автор в рассказе «о чудесах святого иже о корьсты» сообщает оптом о множестве «исцелений» от этой эпидемической болезни у гроба Леонтия и тут же повторяет тот же сюжет в несколько другой аранжировке, относя его уже ко времени архиепископа Трифона (1462—1468) и вновь уверяя в массовых «исцелениях», в связи с чем Трифон даже «съзва весь народ» и отслужил молебен у гробницы Леонтия.

Затем следует недатированное чудо «о разслабленем» и за ним — относимое также ко времени Трифона колоритное «чудо» о некоем княжеском слуге Захарии, попытавшемся прихватить смежную с его селом землю Успенского собора и наказанного силой примененного при «разводе земли» «креста Леонтиева».

Далее автор скороговоркой упоминает о «многих чудесах», завершая свой труд молитвой Леонтию.

Несколько позднее, видимо, уже после 1474 г., когда архиепископ Вассиан Рыло установил местное празднование епископу Иоанну ростовскому⁸¹, написаны другим лицом рассказы о четырех новых «чуде-

⁷⁸ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 47—51 и 53.

⁷⁹ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 23.

⁸⁰ Н. Н. Воронин. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова. «Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. I. Древний Ростов». Ярославль, 1958, стр. 16—17.

⁸¹ Е. Е. Голубинский. История канонизации... , стр. 80.

сах»⁸². Они составлены с бóльшим литературным талантом, нежели многие предыдущие. Очень колоритен рассказ о бесноватом попе, которого привязывали «ужем» вне собора, против того места, где стояла гробница Леонтия, или к столбам деревянной колокольницы около собора (построенной Вассианом в 1475 г.)⁸³, и который был исцелен по «видению» ему богородицы, Леонтия и Исаии. В трех других рассказах варьируется тема об исцелении «ума изступивших». Едва ли эта тема не связана с ростом еретического свободомыслия: бесноватый поп «и на бога некия глаголы хулныя изношааше» и был скован по рукам и ногам «железы». Другой бесноватый «Александр именем», которого вели приложиться ко гробу Леонтия, вырвался и «прискочив напрасно. . . святого образ по главе удари, иже ест на гробе», но был прощен и исцелен Леонтием. Не исключено, что эти дополнения принадлежат перу самого архиепископа Вассиана Рыло (1467—1481).

Рассмотренный цикл рассказов о чудесах Леонтия, поддающихся достаточно точной датировке и связанных с жизнью и потребностями ростовской архиепископии, является единственным поздним добавлением к пространной редакции «Жития Леонтия», восходящей, как мы пытались показать выше, в основном к 90-м годам XII в.

9

Подведем краткие итоги сделанным наблюдениям.

Изучение «Жития» Леонтия ростовского вскрывает сложную литературную историю памятника, связанную с церковно-политической борьбой второй половины XII в. во Владимирском княжестве.

В борьбе Андрея Боголюбского за церковную самостоятельность Владимирской земли и ее приоритет на Руси в ряду других литературных произведений была составлена в 1161—1162 гг., при участии самого князя Андрея, начальная краткая редакция «Жития» Леонтия. Она содержала рассказ об открытии его мощей и постановке гробницы в новом белокаменном соборе и оценку князем политического значения новой святыни для «державы» Андрея. Собственно житийная часть содержала вымышленные сведения о «первых» епископах Ростова — греках Федоре и Иларионе, а их преемник Леонтий объявлялся царьградским греком. Эта «греческая легенда» была направлена в сущности против церковной гегемонии Византии. Легенда о древности ростовской епископии дополнялась второй мифической версией об основании г. Владимира не Мономахом, а Владимиром Святославичем, о чем мы знаем из обмолвки во Владимирском летописном своде и пространных известий, вошедших через ростовское владычное летописание в своды XV—XVI вв.

Так были созданы «исторические» основания для уравнения Ростова и Владимира с «матерью градов русских» Киевом и притязаний Андрея на владимирскую автокефальную епископию или митрополию. Однако борьба Андрея и его ставленника за владимирскую кафедру с ростовским епископом греком Леоном, киевским митрополитом и патриархом кончилась неудачей. В связи с этим не была осуществлена и канонизация Леонтия.

В княжение Всеволода III этот вопрос был вновь поднят. Могущество Всеволода подавило сопротивление ростовской знати и поставило в зависимость от его воли киевского митрополита, ставившего угодных ему епископов в его северную волость. Епископ Иоанн, бывший духовник

⁸² А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 29—32.

⁸³ Летописец о ростовских архiereях. СПб., 1890, примечания, стр. 15.

Всеволода, организует местное почитание Леонтия, к которому Всеволод был, видимо, не причастен. После 1194 г. Иоанном составляется пространная редакция «Жития», в которую входят две его проповеди; Иоанн сочиняет и два канона Леонтию. В своем «Похвальном слове» Иоанн явно выступает против антивизантийской легенды об Андрее Первозванном. Два написанных им канона свидетельствуют о двойственной политике ростовского епископа. Первый канон, рассчитанный на служение в княжеской столице Владимире, вполне лоялен к княжеской власти. Во II каноне резко выражены проростовские тенденции, ощутимы выпады в адрес князя и похвалы епископу. Усиливается версия о греческом происхождении Леонтия, что особенно сказалось в фантастическом распространении истории его монашества в Царьграде и чудесных обстоятельств его выбора патриархом. К вящей славе Ростова вводится мысль, что Леонтий почитался в самом Царьграде, якобы гордившемся «пеленами» ростовского епископа. Если при Андрее легенда о «первых» епископах-греках была средством борьбы с византийской «игемонией» и усиления самостоятельности владимирской церкви как инструмента широкой общерусской политики «владимирского самовластца», то теперь усиление греческой окраски ростовского «святителя» шло вразрез с интересами владимирской великокняжеской власти, в пользу укрепления церковного авторитета Ростова и центробежных тенденций ростовской знати. Епископ Иоанн в сущности продолжал политику епископа-грека Леона, противодействовавшего в интересах Византии консолидации сил Северо-Восточной Руси. В этом нас убеждает и конец деятельности епископа Иоанна, изгнанного в 1214 г. владимирцами и преемником Всеволода князем владимирским Юрием «зана Иоанн не право творяше».